

ПРОГРАММА «НОВЫЕ ИМЕНА»

ВЛАДИМИР
КОЛАБУХИН

ТАЙНА

пансионата «УЮТ»

Повести и рассказы 16+

Владимир Колабухин

Тайна пансионата «Уют»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64128811

Тайна пансионата «Уют»: Союз писателей; Новокузнецк; 2017

ISBN 978-5-00073-495-7

Аннотация

Понедельник не порадовал погодой. Весь вечер на автостраду валил густой, липкий снег. Под его тяжестью прогнулись провода, опустились к земле ветви чёрных деревьев. Зыбкий свет луны едва освещал раскисшую от слякоти ленту шоссе и окоченевшую, с непокрытой головой фигурку девушки у придорожного столба. Девушка была в короткой тёмной шубке и полусапожках. Когда из-за поворота, ведущего в город, вспыхивали фары автомашин, она на миг оживала и слабо вскидывала замёрзшую руку. Но машины даже не притормаживали, и она вновь отступала в рыхлый снег, зябко жалась к столбу.

Глазунов – плечистый молодой репортёр областной газеты – увидел её, как только старенький «москвич» редакции вырвался на прямую дорогу...

Содержание

Кто стрелял в «Бирюзе»?	5
1	5
2	15
3	23
4	31
5	39
6	47
7	56
8	67
9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Владимир Колабухин

Тайна пансионата «Уют»

© Владимир Колабухин, 2017

© «Союз писателей», 2017

Кто стрелял в «Бирюзе»?

Повесть

1

Говорят, понедельник – день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но сегодня утро выдалось солнечным. Небо ясное-ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, удивительно душист от расцветающей сирени...

Я живу неподалёку от райотдела милиции в новом девятиэтажном доме. Там сейчас духота. А здесь, на улице...

И до чего же хорошо на душе, когда вот такое чудесное утро! Можно не спеша пройтись по бульвару, затенённому большими старыми липами, посидеть в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Передо мной, дробно стуча по асфальту каблучками белых туфелек, идёт светловолосая стройная женщина. Идёт

быстро, даже торопливо, головы не повернёт. Наверное, опаздывает на работу. Быть может, вечером она не станет так спешить.

А вечер, конечно, тоже по-своему хорош. Особенно когда падёт тишина и город расцветится сиянием радужных огней. Но воздух и зелень будут уже не те: цветочный аромат заглушат прогорклые запахи отработанных за день солярки и бензина, а сажа и пыль затуманят наряд затихающих улиц.

Нет, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне сейчас приходит мысль о том, что не настолько уж я заостенел на своей следственной работе, как полагает моя соседка по квартире Леночка, если вдруг вспоминаю её гибкую фигуру, мягкий овал лица и большие зелёные глаза.

Сворачиваю с подсохшей дорожки бульвара к зарослям сирени и опускаюсь на сверкающую жёлтым гляncем, недавно выкрашенную скамейку. Лёгкий ветерок чуть колышет верхушки деревьев и кустарника, над головой громко чирикают воробьи...

Лена – учительница, ведёт в школе уроки русского языка и литературы. Я люблю слушать её. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе со своей приветливой мамашей Екатериной Ивановной, весьма пожилой, располневшей седовласой женщиной, она занимает две смежные комнаты. Я – третью. Так уж получилось, что однокомнатных квартир райотделу не выделили, и меня про-

сто-напросто «подселили». И ничего хорошего из этого, по моему, не выйдет. Елена, судя по всему, не прочь завести со мной роман. А у меня он уже был, да лишь оставил в сердце боль. И я теперь уже не так наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек, поэтому в обращении с Еленой, наверное, и впрямь суховат. Только что же вдруг сегодня её образ словно застыл перед глазами?..

Поднимаюсь со скамейки, направляюсь к выходу из сквера. Блондинка уже исчезла из виду. А я всё иду и иду не спеша. Время в запасе есть. Да и служба моя такая, что особой торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А сегодня утро такое замечательное! Может, и день весь будет таким же?

Я покидаю бульвар, пересекаю по белым полоскам перехода залитую солнцем площадь и вскоре оказываюсь в вестибюле райотдела. На моих часах без четверти девять. Заглядываю в комнату дежурного, а там кроме его помощника – молодого широкоплечего сержанта Кандаурова – никого больше нет, хотя обычно в это время здесь всегда бывает немало ребят из уголовного розыска. Значит, ничего существенного за воскресенье не произошло.

Подхожу к столу сержанта, громко здороваюсь и спрашиваю:

– Как дела? Где дежурный?

Он поднимает на меня припухшие от бессонной ночи глаза, устало говорит:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Пока всё в норме. Если до девяти не поступит заявлений, то вам сегодня лафа... А дежурный к руководству ушёл, докладывать.

– Твоими бы устами – да мёд пить! – говорю ему, улыбаясь.

Его широкое простодушное лицо тоже озаряется улыбкой. И в этот момент на пульте вспыхивает жёлтый огонёк «02», а в соседней комнате телетайп начинает выводить трескучую дробь.

Кандауров хватает телефонную трубку:

– Милиция! Что? А кто говорит?..

Подхожу к телетайпу. На ползущей бесконечной бумажной ленте одна за другой появляются тревожные строчки, переданные из других райотделов и областного управления внутренних дел...

«Начальнику районного отдела. 20 мая с. г. в 16 часов из дома № 3 по улице Крестьянской г. Бровки ушла и до сегодня не вернулась Золотова Наташа. Возраст – 15 лет... Предположительно может находиться у своей бабушки Золотовой Марии Егоровны, проживающей...»

«21 мая с. г. из пос. Поречье угнана автомашина «ВАЗ-2101» красного цвета, принадлежащая гр-ну Белову. Примите меры розыска машины и преступников...»

А телетайп всё стучит и стучит.

Возвращаюсь к сержанту.

– Ну что?

Он прикрывает ладонью трубку.

– Муж у одной буянит...

И опять в телефон:

– Да-да... Успокойтесь, пожалуйста. Мы немедленно выезжаем.

Вот так... Ничего себе начинается денёк!

Выхожу в коридор, привычно поднимаюсь по крутой лестнице на третий этаж и иду в свой кабинет. В открытую форточку окна с улицы вливается всё тот же густой запах расцветающей сирени. Он снова возвращает меня к мыслям о Елене. Как любит она выискивать в её гроздьях «счастливые» соцветья! Вот придёт вечер, и я опять пройду по бульвару, куплю для неё сирени. Пусть порадуетя!

Улыбаюсь своим мыслям и принимаюсь за работу: пишу представления, справки, запросы. Жду вечера. И дождался. Телефонного звонка дежурного.

– Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказывается, сработала сигнализация фирменного магазина «Бирюза», торгующего ювелирными изделиями.

Не проходит и минуты, а наш узик, включив сирену, уже летит по улице. Сидим и гадаем, что там, в «Бирюзе»? И самые худшие предположения оправдываются – разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» – спрашиваем в магазине. И вот что выясняется.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со

двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся уйти через месяц на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась.

Высокий молодой черноволосый мужчина с пистолетом в руке подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из инкассаторских сумок с дневной выручкой и перебросил сообщнице, такой же молодой особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник отпрянул, выстрелил, не целясь, и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

Шляпникова выглядит испуганной, но невредимой. Только губы белые и трясутся.

– Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, – пытаюсь успокоить её и коротко передаю в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

– Как не переживать?! – расстроено всплёскивает она руками. – Ведь чуть всю выручку не унесли!

– И много взяли?

– Почти пятьдесят тысяч! Сорок девять тысяч девятьсот рублей.

Она тянется к графину с водой. Я опережаю, подаю полный стакан. Пока Шляпникова пьёт, вместе с экспертом Гу-

биным осматриваю и фотографирую место происшествия. Собственно, осматривать и нечего. Её кабинет, где мы ведём разговор, находится напротив служебного входа. Налётчику действительно потребовались бы секунды, чтобы осуществить задуманное.

В воздухе ещё пахнет пороховой гарью. В помещении всего одно окно, забранное решёткой, и то без форточки. Нет и какой-либо вентиляции. Душно. Зато над столом, за которым сидит моя собеседница, ярко горит красивая хрустальная люстра. В кабинете лишь один простенький стол, небольшой сейф да несколько стульев. Без особых затруднений нахожу на полу у окна пулю, сколовшую кусочек бетона от удара в стенку, а за косяком двери – гильзу. Следов обуви – масса, но все затёртые, и разобраться в них практически невозможно. Лишь в коридорчике, у порога кабинета, Губину удаётся зафиксировать слабые отпечатки подошвы и каблук женской туфельки.

Присаживаюсь к столу Шляпниковой и спрашиваю:

– Так вы говорите, преступников было двое?

– Может, и больше, – не сразу отзывается она. – Ко мне ворвались-то двое – мужчина и женщина.

– Как они выглядели? – пытаюсь ещё раз уточнить их внешность.

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не может описать их подробно: высокий, молодой, смуглолицый мужчина да такая же молодая и смуглолицая его напарница – вот и

всё. И она расстроено оправдывается:

– Испугалась очень. Какие тут подробности, особые приемы. Спроси, в чём были одеты, – и то, наверное, не скажу.

– И всё же?

– Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье как будто бы, – смущённо пытается вспомнить Шляпникова, комкая в дрожащей руке и без того мятый цветной платочек, которым то и дело оттирает потное лицо. – Как бы не струсила так!

– Нет-нет, – возражаю я. – Не казните себя напрасно. В такой ситуации, что случилась с вами, кто не испугается? А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она отмахивается:

– Да какое там «решительно»! Мне бы после звонка в глазок посмотреть, а не дверь сразу открывать.

– Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

– Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

– Погодите, погодите, – останавливаю её. – Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

– Я уже говорила – без пяти семь.

– А инкассаторы приезжают?

– В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними. Поохали, посочувствовали директорше и уехали.

Я задумываюсь. Интересная вырисовывается картина: рискованно действовали налётчики! Рискованно, но рассчитано, словно по секундошкам всё выверили.

– Значит, вы считаете, что у преступников была машина?

– Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?

«Конечно, – мысленно соглашаюсь я. – Без транспорта им в таком деле не обойтись. Нужно осмотреть двор – поискать следы. Между прочим, выстрел могли слышать на улице. Следовательно, кто-нибудь мог заприметить и машину. Теперь только бы найти очевидцев».

Я знаю, что и другие члены опергруппы зря времени не теряют. Зевак на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей может выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе своего дома или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели.

Поблагодарив Шляпникову, выхожу в коридор.

Как и ожидал, мне уже нашли свидетелей: узкоплечего веснушчатого паренька в линялых джинсах и пёстрой рубашке с отложным воротничком и тощую как жердь старомодно одетую старушку. Оба утверждают, что это было желтоватое такси, выскочившее со двора почти вслед за выстре-

лами. Номера машины старушка не заметила. Зато парню запали в память цифры: «37–38».

Незамедлительно передаю эти данные дежурному по райотделу. Если в машине преступники и они попытаются выехать из города, им это теперь вряд ли удастся: дежурный известит о моей информации все постовые и патрульные наряды, инспекторов ГАИ.

Мы делаем всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, по горячим следам, работаем до глубокой ночи, но... тщетно. Налётчики как в воду канули.

Домой возвращаюсь за полночь. Пытаюсь неслышно пробраться в свою комнату, но Елена тут как тут. На ходу застёгивает халатик и спешит на кухню.

– Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать бесполезно, и я молча киваю.

На кухне Лена усаживается рядом со мной за столик и, пока я чаёвничаю, не отрываясь молча смотрит на меня зелёными, как виноградины, глазами. Только сегодня они кажутся мне чуть погрустневшими.

– У тебя что-то случилось? – спрашиваю.

– Что у меня может случиться... Пей чай, Демичевский, пей...

Она отводит взгляд и пытается улыбнуться. Господи! Так ведь я хотел принести ей цветы! Надо же, как всё нескладно получилось...

2

Утром просыпаюсь рано. Прохожу на кухню, а Лена уже сидит у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

– С добрым утром! – говорю, улыбаясь. – Что нос повесила?

– Здравствуй! – приветливо отвечает она. На лице её тоже появляется улыбка. – И всё-то замечаешь ты, Демичевский!

– Профессия такая! – смеюсь я и подхожу к плите. Осторожно трогаю чайник, а он уже горячий-прегорячий. Кладу в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, заливаю кипятком.

– Сегодня опять поздно вернёшься? – спрашивает Лена.

– Пока не знаю, – говорю, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся душистый напиток. Смотрю на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Допиваю кофе, поднимаюсь из-за стола.

– Ну пока.

Лена рассеянно кивает. О чём это она всё думает?..

В прихожей поправляю перед зеркалом форму, галстук и выхожу на улицу.

Сегодня у меня не столь радужное настроение, как накануне. В девять часов предстоит присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее со-

бытие в «Бирюзе» не выходит у меня из головы. Расследование поручено мне, а с чего начинать? Есть, конечно, несколько соображений, и, думаю, в уголовном розыске тоже подкинут что-нибудь существенное. Ребята там толковые, оперативники классные. И ниточка у нас есть. Хотя бы тот же след протектора со щербинкой, зафиксированный во дворе магазина.

Без пяти девять вхожу в кабинет Белова. Все оперативники уже в сборе. Опустив седеющую голову, Белов медленно расхаживает из угла в угол. Заметив меня, останавливается и, кивком ответив на приветствие, сухо говорит:

– Что ж, начнём, пожалуй. У кого какие версии по «Бирюзе»?

Присаживаюсь на единственный свободный стул у окна. Оглядываю собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

– Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? – снова спрашивает Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым отвечает старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он тремя годами моложе меня, а уже считается одним из опытнейших розыскников...

– Такси принадлежит второму автопарку, – говорит Наумов, легко поднявшись с дивана. – За машиной закреплены два водителя – Власов Николай Григорьевич, старый кадро-

вый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович, выпускник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые нависшие брови Белова опускаются ещё ниже:

– А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов задумчиво приглаживает свои русые волосы и не сразу, но возражает:

– Маловероятно, Александр Петрович. Человек он пожилой, передовик труда, вырастил двоих детей, имеет внуков. Маловероятно...

Белов подходит к окну, разглядывает улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливает своими лучами кабинет, всё громче нарастает шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрываются от нас те, кого мы ищем.

– А что говорят свидетели? – спрашивает Белов.

Наумов садится, а с дивана поднимается рослый и плечистый, всегда щеголевато одетый оперуполномоченный Громов, мой хороший товарищ и ровесник. На его широком лице отражается глубокая задумчивость. Он достаёт из кармана замшевой куртки небольшой блокнот, заглядывает в него и неторопливо начинает докладывать:

– Свидетелей, паренька и старушку, мы установили следующим образом...

Белов резко поворачивается к нему:

– Я не спрашиваю, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину, – обрывает он Громова. – Что они рассказывают? У нас есть фотография Власова?

Громов растерянно поправляет сверкающий золотыми нитями галстук.

Я спешу на выручку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

– И фотография есть, и показывали её, – говорю, поднимаясь. – За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её свидетели не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: худощавый, смуглый парень... Словом, не Власов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил его набросать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Бубнов сразу согласился и вот-вот должен его принести.

Я сажусь, а Белов возвращается к столу, грузно опускается в кресло, задумывается. То, что он повысил сегодня голос, совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на своё щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником. Но сегодня время не наш союзник, подхлёстывает и Белова.

Он поднимает голову.

– У вас всё? – спрашивает Громова.

– Нет, – торопливо отзывается тот. – Разрешите высказать свои соображения?

– Ну-ну... – смягчается Белов. – Выкладывайте.

– Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, – оживляется Громов, и сеточка мелких морщинок на его загорелом лице сразу исчезает.

– Почему вы так думаете?

– Уж очень чисто сработали, вернее – дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал».

– Резонно, – соглашается и Белов. – Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

Да! Представляю, каково придётся моим друзьям. В городе проживает не один десяток человек, уже на практике познакомившихся с уголовным кодексом. Кто из них где и как проводил вчерашний вечер? Выяснить это – задача не из лёгких. Очень даже не из лёгких!

Однако, как я смотрю, Громова она ничуть не смущает. Он переглядывается с Наумовым, приподнимает, чтобы не помять, стрелки светлых, хорошо отутюженных брюк, садится и быстро пишет что-то в блокноте.

– Та-ак... – продолжает Белов. – А теперь послушаем товарища Демичевского.

Он устремляет на меня пытливым взглядом и после короткой паузы спрашивает:

– В чём нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять поднимаюсь, ещё раз оглядываю всех и говорю:

– Почему нет? Взять хотя бы пропавшее такси. Оно как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться. Надо подключить к нам в помощь патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивает. Я уверен, эта мысль пришла и к нему.

– Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь, нужно ещё раз опросить работников магазина и жителей прилегающих домов. Может, действительно в последние дни кто-то мозолил им глаза.

Белов снова молча кивает и делает в еженедельнике пометку.

– И третье... Не мешало бы посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направляю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине. Как знать, может, сопоставление данных проверок с материалами этих дел и выведет нас на след преступников.

Мы обговариваем с оперативниками ещё ряд вопросов и расходимся. Я с нетерпением жду Бубнова. Он обещал подойти в десять, а на моих часах уже двадцать минут одиннадцатого.

Ну вот, кажется, он и пришёл. Слышу негромкий стук в дверь и поспешно откликаюсь:

– Войдите!

В узкую щель двери сначала осторожно просовывается широколобая голова Бубнова, а затем и сам парень показывается на пороге. Стеснительно улыбаясь, подходит к столу и показывает мне небольшой конверт.

– Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно вскрывает конверт, бережно достаёт из него листок бумаги, расцвеченный акварелью.

Первое впечатление – меня обманывают. Это не может быть рисованным портретом. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждают: портрет рисованный.

Но до чего живое лицо! Плотно сомкнуты тонкие губы, сжаты крылья такого же тонкого носа, тревожно прищурены миндалевидные, тёмные, словно маслины, глаза, нахмурены чёрные брови. Невысокий чистый лоб и густые, с красивой укладкой волосы.

Моё долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринимает как недоверие к его работе. Он смущённо бормочет:

– Может, не совсем точно изобразил... Видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении...

В том-то и дело, а он ещё оправдывается! Если ничего не сочинил, то завидная зоркость у парня. Я дружески обнимаю

его.

– Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим и... словом, спасибо!

Он краснеет как девушка, вскидывает на меня повеселевшие глаза:

– Тогда пойду? У меня скоро занятия.

Прощаемся, и он уходит. Мне тоже не сидится в кабинете, хочется немедленно показать портрет оперативникам Белова: вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»?

Но... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищаются мастерством художника, крутят портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не могут.

– И всё-таки, кого-то он мне напоминает, – мучительно раздумывает Наумов. – Кто это? Кто?..

Ничего, выясним! И выведем на чистую воду. Никуда теперь он от нас не денется. Для начала покажу-ка этот портрет Шляпниковой.

Достаю из сейфа специально приготовленные для подобных случаев два портрета других лиц, беру понятых, вызываю служебную машину и еду в «Бирюзу».

Шляпникова долго вглядывается в портреты, затем указывает на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтверждает: «Он! Очень похож».

Вот и отлично. Как положено, оформляю протокол опознания. Теперь бы пропавшее такси отыскать и его хозяина.

Домой опять возвращаюсь поздно. По улицам ещё снуют машины, и я невольно приглядываюсь к ним – не промелькнёт ли такси с номером «37–38»? Ох как нужна мне эта машина! Твёрдо верю, что от неё потянется ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси проносится немало, но всё не те, не те...

Вот и мой дом. Лифт быстро поднимает меня на шестой этаж... Не успеваю вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахивается – и вижу счастливое, улыбающееся лицо Елены.

– Как хорошо! Как хорошо, что ты всё-таки пришёл, – порывисто восклицает она и втягивает меня в прихожую.

Недоумевая, замираю у порога.

– А что, собственно, случилось? Почему «всё-таки»?

Глаза Елены радостно светятся.

– Потом, потом скажу. Давай переодевайся – и ко мне, в мою келью.

И тут замечаю на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик, которые придают ей праздничный вид.

– Какое-нибудь семейное торжество? – догадываюсь наконец.

Она молча кивает.

– И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не остаётся, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Непонятно только, почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Снимаю запылившуюся форму. Умываюсь. Надеваю белую рубашку, синий галстук. Сдуваю с костюма пылинки. Вглядываюсь в зеркало: на меня смотрит кудрявый, сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что вроде бы всё нормально, можно идти.

В комнате Елены чуть светится крохотное бра на стене. На полке горит зелёный огонёк магнитолы, слышится приглушённая мелодия блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте, – вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт.

Елена сидит на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присаживаюсь рядом и спрашиваю:

– А-а... Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ слышу тихий серебристый смех:

– Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно теряюсь.

– Почему же... – И чуть не с мольбой снова спрашиваю: –

Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбрасывает со лба волосы.

– Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни... Понимаешь, вчера мне исполнилось двадцать пять. Мы думали отметить это событие, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Обескураженный, молчу. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя Прекрасная Елена!

Машинально оглядываю комнату. Здесь я впервые. Всё дышит чистотой и уютом... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Лихорадочно перебираю в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашёл! Тут же срываюсь с места:

– Я сейчас... Извини.

И мчусь к себе.

Лена – большая любительница книг, кое-что из них и у меня имеется. Недавно приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг – отлично изданный томик! Подписать его – дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздыхает:

– Ах, Демичевский! Зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Спешу развеять её огорчение.

– Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрывает томик и снова счастливо улыбается, неожиданно награждает меня лёгким поцелуем:

– Спасибо за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы садимся на тахту. Всё так же приглушённо звучит мелодия блюза, в бокалах искрится шампанское, нескрываемой радостью сияют глаза Елены.

– Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?.. Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумит от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляет, вызывает на откровенность. Хочется окончательно размагнититься и раскрыться, высказаться о наболевшем.

И вспоминается далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке. Красивая хабаровчанка, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?»

«Что ты, Катюша! Что ты...»

«Тебе там встретятся другие девчата».

«Я даже не взгляну на них».

«Два года – это так долго!»

«Я буду писать тебе каждый день!»

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого парня.

Нет! Об этом не стоит говорить никому. Это моё, пусть

оно во мне и останется. Я прожил в том городе почти тридцать лет. И никогда бы не покинул его...

– Ну что ты молчишь? – спрашивает Лена.

А я не знаю, что и сказать.

– Тогда потанцуем? – терпеливо предлагает она, видимо, догадываясь о моём состоянии.

И мы медленно плывём в полумраке. Рука Елены легко лежит на моём плече, глаза не отрываясь смотрят в мои глаза.

– Ты всё ещё любишь её, – тихо то ли спрашивает, то ли утверждает она.

И опять не нахожу, что ответить. Врать нельзя и правду сказать сегодня язык не поворачивается.

– Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера – ты! Расскажи о себе.

Елена натянуто смеётся.

– Ох, Демичевский! Он, оказывается, ещё и плут.

Она ненадолго умолкает, потом с расстановкой начинает рассказывать.

– Мы ведь тоже не местные. Переехали из Тулы. Папа был лётчиком. Его перевели сюда по службе. Ну и мы за ним... А через неделю, при испытании нового самолёта, он погиб. Мама в один день поседела... Мне шёл тогда всего второй годик... А теперь уже – двадцать пять! Окончила школу, институт... Вот, собственно, и всё.

– Извини за нескромность, – говорю. – А почему ты не

замужем?

Лена опять смеётся.

– Потому что таких плутов, как ты, не встречала!

Она останавливается.

– Но если серьёзно – были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думают, о своём «я». А мне, дорогой, не рабыней, а царицей быть хочется.

– Клеопатрой, что ли?

– Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей царицей. Понимаешь?

Бестолково киваю, и мы возвращаемся за столик. Елена спрашивает:

– Хочешь кофе?

– Хочу.

Лена уходит на кухню, и вскоре по всей комнате разносится горьковатый аромат.

– Почему ты вчера так поздно вернулся? – спрашивает она. – Что-нибудь случилось? Говорят, машину угнали. К нам в школу приходили сегодня работники ГАИ. И участковый по квартирам прошёлся.

Я улыбаюсь. Так-так... Скоро весь город будет знать, что разыскивается такси жёлтого цвета, номер «37–38»... Это хорошо. Уж кто-нибудь да расскажет нам о нём.

– Да, – говорю. – Ищем пропавшее такси.

И, не вдаваясь в подробности, коротко рассказываю о вчерашнем ЧП.

– Ужас какой, – передёргивает плечами Елена. – Ну у вас и работка!

– У тебя она разве легче?

– Сравнил тоже! Как ни тяжело с моими шумными ребятами, но они – дети. Я вижу, как они взрослеют, становятся умнее и добрее.

– А если не все такими замечательными людьми вырастают? Как тот брюнет, например, что стрелял в магазине. Кто-то должен и с ними разбираться. К тому же я закончил юридический. Так что не будем больше об этом. Хорошо?

– Хорошо, – соглашается Елена. – Расскажи мне что-нибудь весёленькое. Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Начинаю вспоминать. Но в голову лезут одни лишь криминальные истории. Лена смеётся.

– Ладно, не мучься.

И берёт мои руки в свои ладони.

– Какие у тебя красивые, тонкие пальцы...

Я весь напрягаюсь, чувствуя нежность её рук.

– Что ж в них хорошего...

– Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека. А вот руки... В них, по-моему, вся его душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

– Играю, – возражаю с улыбкой. – На гитаре играю. Да всё никак не могу купить – в магазинах они нарасхват.

– У тебя очень красивые пальцы, – задумчиво продолжает Елена. И неожиданно приникает к ним губами.

У меня перехватывает дыхание. Это уже не тот мимолётный поцелуй, которым она наградила меня всего несколько минут назад... Руки мои сами тянутся к этой волнующей, удивительной девушке. И я почти не слышу страстный, срывающийся её шёпот:

– Подари мне их, подари!..

Боже мой, как стучит в висках... С трудом отрываюсь от её губ и поднимаюсь, чтобы не видеть откровенных глаз Елены.

– Потанцуем, Лена... Давай потанцуем...

4

Утром Елена готовит для меня кофе.

– Спасибо за вчерашний вечер, – говорит она тихо.

Кусок бутерброда застревает в моём горле. Хорош вечер!

При первой возможности удрал как мальчишка. А она ещё благодарит!

Лена словно подслушала мои мысли.

– Не переживай так, Демичевский. Я сама вела себя глупо... А пальцы свои мне всё-таки срисуй. Срисуй, Демичевский.

– Будет сделано, – шутливо обещаю я, лишь бы что-то ответить. – Потом можешь поместить рисунок в рамку, раз они так тебе понравились.

Пью кофе и никак не могу разобраться в себе: стыжусь, что не ответил на вчерашний порыв Лены, или сожалею об этом?

– Я провожу тебя, – говорит Лена. И я замечаю, что одета она по-дорожному.

– Куда-то собираешься ехать?

– Да... Ненадолго.

Мы выходим на улицу. Лена провожает меня до бульвара. Идём и молчим. Молча и расходимся, лишь смущённо улыбнувшись друг другу.

Честное слово, на работе легче! Там и самое запутанное

дело не кажется таким уж неразрешимым. Даже ЧП с магазином.

Расстроенный, сворачиваю к райотделу. Не успеваю подняться в кабинет, как на пороге возникает возбуждённый Наумов.

– Лебедев звонил. Насчёт пропавшей машины. Нашлась, говорит!

Лебедев – наш лучший участковый. Его слову я верю как своему.

– Где эта машина?

– Дачная, 15.

– Начальству докладывал?

– А как же! Дана команда выезжать. Все уже в сборе.

В нашем уазике и впрямь не повернуться: оперативники, эксперт Губин, кинолог с собакой... Уазик срывается с места и мчится по улицам за город, в дачный посёлок.

– Как нашли? – спрашиваю Наумова.

– К Лебедеву мужичок с утра пришёл, местный плотник Егоров. Так, мол, и так. Слышал, милиция машину ищет. Не она ли за его сараюшкой стоит? Лебедев сразу туда. Действительно, там, за сараем, – такси, жёлтого цвета, номерной знак – «37–38». Он и позвонил нам... Интересно, почему преступник оставил машину именно там?

Шофёр, хорошо знающий дачный посёлок, без особого труда отыскивает нужную улицу. Вдоль обочин тянутся стройные тополя, и кажется, что сквозь их густую сочно-зе-

лѐную листву лучи солнца никак не могут прорваться к земле, яркими бликами застревают в пышной кроне.

Узкая дорога с кусками выбитого асфальта вѣтсѣ по посѣлку и за одним из поворотов неожиданно обрывается у небольшого, в два окна по фасаду, кирпичного дома с палисадником и сараем, за которым стеной стоит густой и тѣмный лес.

Из-за сарая показывается коренастая фигура Лебедева. Он одѣргивает китель, поправляет сбившуюся набок фуражку, неторопливо подходит к нам и коротко докладывает обстановку. Теперь можно приступать к осмотру.

Жѣлтая «Волга» сиротливо стоит в тени за сараем. С улицы её не увидишь. Наверное, поэтому и оставил её здесь преступник. И знакомый, очень знакомый рисунок на земле от протектора «Волги». С той же характерной щербинкой...

Я даю команду, и начинается привычная работа, без спешки и суеты. Каждый делает что положено. Мы фотографируем, чертим план местности, в поисках следов изучаем почву, внимательно осматриваем салон такси. Позднее разберѣмся во всѣм, что получим. Сейчас главное – не упустить малейшей мелочи, которая – как чаще всего и бывает – может оказаться самой существенной для дела. Решаю спросить Егорова: когда увидел здесь эту машину, не заметил ли, кто оставил её?

Мы сидим за грубо сколоченным столиком в цветущем палисаднике дома. Все товарищи по работе остались на ули-

це и продолжают заниматься своими делами. Я слышу настойчивый голос кинолога: «След, Альма, след!», вижу, как сосредоточенно ходит от дома к дому на противоположной стороне улицы Наумов...

Егорову за пятьдесят. Он несколько неуклюж и грузноват. Его чуть набрякшие веки и грушевидный нос с синими прожилками наводят на мысль, что их хозяин частенько прикладывается к рюмке.

Егоров вздыхает, услышав мои вопросы, и низким хрипловатым голосом начинает рассказывать:

– У меня, понимаешь ли, доски в сарае оторвались. Ну, вот и пошёл я вечером-то. Часов около восьми. Дай, думаю, взгляну: подлатать стенку или новые доски приспособить. Обошёл сарай-то, а там, понимаешь ли, – машина. И никого в ней нет. Ну, постоял... Подождал. Опять никого. А к стенке-то из-за машины и не подойти. Плюнул и ушёл в дом.

– Это когда было – вчера?

– Нет. Как раз накануне. Вчера-то я снова за сарай глянул. Опять стоит! Весь день простояла. А тут слышу от соседей, что милиция какую-то машину ищет. Подумал, не она ли? Чего ей здесь стоять-то. Непорядок это. Но решил подождать чуток – вдруг хозяева объявятся. Ну а сегодня – всё! Пошёл к участковому. Взгляни, мол, не ту ли машину ищите. Который день без дела стоит!.. Вот так-то всё и вышло, мил человек.

В палисаднике цветут вишни, осыпают нас нежными лепестками. Земля от них – белым-бела!

– А вы с соседями о машине разговаривали? Из них случайно никто не видел водителя?

– Да кому до неё дело-то было. И что в ней для нас такого, чтобы приглядываться? Никто ничего не видел.

Егоров встаёт и уходит в дом. Через минуту возвращается. В одной руке – высокий глиняный кувшин, в другой – широкая глиняная кружка.

– Может, выпьешь со мной, капитан? У меня такая медовуха осталась!

– Нет, Степан Кондратьевич. Спасибо. Да и вам не советую прикладываться. Хозяйка, наверное, не рада будет.

Лицо Егорова мрачнеет. Он глухо кашляет, ставит кувшин и кружку на стол, садится и стискивает лохматую голову руками.

– Нет у меня хозяйки... Бобыль я, понимаешь ли. И рад бы, чтоб поругал кто, да некому. Такая тоска. Умаялся одинокто, спасу нет.

Он поднимает на меня потемневшие глаза.

– А ты женат ли?

Отрицательно качаю головой.

Он умолкает, задумчиво почёсывая затылок, а через минуту опять спрашивает:

– Что так? Аль разборчив ты очень?

Над моей головой гудят то ли шмели, то ли пчёлы. Весна в самом разгаре!

– Эх, капитан, – словно издалека снова доносится хрип-

лый голос Егорова. – Нельзя нам одним-то. Нельзя. Для чего тогда и жить-то, а? Ты не мудри, если что. Я вот немало почудил, теперь один мучаюсь. Неужто у тебя так никого и нет на примете?

И мне сразу вспоминается Лена, наш вчерашний вечер. Как хорошо он начинался!

Прощаюсь с Егоровым и иду к сараю. Там Губин продолжает колдовать над машиной. Обрабатывает химическим составом приборный щиток, рулевое колесо, дверные ручки... Никаких следов!

– Наверное, действовали в перчатках, – говорит он и устало опускается на траву. – Либо стёрли следы. Мастаки, видеть!

Я невольно хмурюсь.

– Может, попросить в помощь экспертов УВД?

– Не надо. Сами управимся.

Губин резко поднимается.

– Все следы не уничтожишь! Это они, мастаки, думают иначе. А нас не проведёшь! Что-нибудь да осталось. Отгоним «Волгу» в отдел и будем разбирать машину.

Так и решаем. К тому же здесь нам больше делать нечего: собака след не взяла – слишком много времени прошло, а Наумов с Лебедевым тоже возвратились из домов ни с чем – никто из жителей не приметил пассажиров такси.

По дороге в отдел выхожу из машины у кафе, чтобы немного перекусить. Быстро разделяваюсь с борщом и кот-

летой, запиваю освежающим берёзовым соком. Теперь опять можно и за работу.

– Передохнул немножко? – дружески обнимает меня за плечи Наумов, как только вновь появляюсь в отделе.

Я улыбаюсь.

– Что Губин? – спрашиваю.

– Разбирает с гаишниками машину. Уже демонтировали рулевое колесо, переключатель скоростей.

– Нашли что-нибудь?

– Пока не знаю.

– Пойду посмотрю.

– Желаю удачи!

Я выхожу во двор и жду там результатов осмотра. Время тянется медленно, порой кажется, что оно остановилось. Наконец слышу радостный возглас Губина:

– Есть пальчики!

– Где? – тороплюсь к нему.

– На обратной стороне руля. Да и на внутренних поверхностях рукояток ручного тормоза и рычага переключателей скоростей... Я говорил – найду!

Он снова ныряет в салон машины. Глубоко в складке сиденья находим шёлковую перчатку. Кто оставил её здесь? Преступник? Пассажир? Пока эти вопросы повисают в воздухе.

Зафиксированные отпечатки Губин уносит в лабораторию. Выясняется, что водителю Власову и его сменщику Володазкину они не принадлежат. Но и установить по ним лич-

ность преступника пока не удаётся: в нашей картотеке идентичных отпечатков нет. А в небе уже зажглись первые звёзды... Усталые, мы расходимся по домам.

На улицах тишина, лишь редкие парочки беспечно прогуливаются по залитым неоновым светом тротуарам да время от времени почти бесшумно проносятся полупустые троллейбусы. Мои шаги гулко звучат в застывшем тёплом воздухе... Как странно: те же дома, те же улицы, а вот утром такого резонанса нет. Вчера получил письмо от мамы. Пишет, что очень состарилась. А я понимаю: тоскует она. Давно похоронили отца, и с единственным сыном рассталась... Мама, мама!.. Я тоже скучаю по твоей ласке. И так тоже надоедает одиночество, в котором даже сон не приносит успокоения. А сны мне теперь всё чаще снятся беспокойные, не то что, скажем, десять или даже пятнадцать лет назад, когда я, словно наяву, то восторженно парил над землёй, раскинув руки, то лихо отплясывал на вечеринках... Так что скорей бы утро!

Утром присоединяюсь к Наумову, занятому изучением дел, выделенных в отдельное производство в связи с розыском преступников. В горле першит от пыльных страниц многотомных дел. Яркий свет лампочки вызывает резь в глазах. Мы кашляем, чихаем, протираем воспалившиеся веки, но всё листаем и листаем страницы.

И вот, кажется, удача. Моё внимание привлекает дело о разбойном нападении в лесопарке, где на месте происшествия были изъяты гильзы, очень похожие на ту, что мы обнаружили в «Бирюзе».

– Ну-ка, ну-ка... Дай посмотреть, – просит Наумов и забирает у меня дело.

– Так ведь это Соловьёв, твой предшественник, по нему тогда работал! – восклицает он через минуту. – Преступников-то было двое – какой-то Эдик и Пикулин. А взяли лишь Пикулина. Его одного и судили: не знает, мол, второго, и всё!

– Оружие изъяли?

– Нет, в том-то и дело. Якобы у второго осталось. Да и потерпевшие, супруги Ладыгины, говорили, что пистолет был у второго преступника.

Ещё раз листаю дело. С фотографии в профиль и анфас на меня смотрит молодой парень, никак не похожий на того, кто учинил налёт на «Бирюзу»: курносый, белобрысый...

Записываю данные о его личности.

– Сколько ему дали?

– Семь лет.

– Проверь – не сбежал, не освобожден ли досрочно.

Наумов кивает.

Читаю показания потерпевших: как выглядел второй преступник? И замирает сердце: тёмные волосы, смуглое лицо... Хорошо разглядеть не успели, но полагают, что при встрече узнали бы. Глаза запомнились: чёрные, с густыми длинными ресницами. Показания дополняет композиционный портрет преступника. Похож! Очень похож на того, кто стрелял в «Бирюзе».

Наумов тоже разглядывает портрет.

– Слушай, а ведь это он – кого мы ищем. Помнишь, вспоминал, где я его видел? И вот, гляди-ка, снова этот мерзавец выплыл. Да по какому делу!

Выписываю домашний адрес потерпевших. Попробую поговорить с ними, показать портрет, что принёс Бубнов.

А время уже за полдень. Дела все изучены, можно и перекусить.

Мы выходим на улицу и вскоре уже орудуем ложками, усевшись друг перед другом в небольшом светлом кафе, что неподалёку от райотдела.

К вечеру нам становится известно, что гильза, изъятая в «Бирюзе», и гильзы, проходившие по уголовному делу Пикулина, идентичны и что преступник пользовался оружием

калибра 7,65. Возможно, в лесопарке и в магазине действовало одно и то же лицо. Кто этот человек? Все первоначальные следственные действия мною проведены, вещественные доказательства собраны, свидетели по делу опрошены... Но пока мы никак не можем выйти на него. Короче, по горячим следам преступление нам уже не раскрыть.

В дверь моего кабинета стучат. Это Ладыгины. Я просил их зайти ко мне – по возможности сегодня же. И они с пониманием отнеслись к просьбе.

Супругам лет под сорок. Выглядят довольно интеллигентно, оба высокие, стройные. Несколько взволнованны вызовом... Коротко объясняю им, в чём дело, и, пригласив понятых, предъявляю Ладыгиным дюжину портретных рисунков. В том числе и работу Бубнова.

Даже не разглядывая, сразу указывают на портрет брюнета:

– Он!

– А не ошибаетесь? Внешность его, конечно, примечательна, но всё же?

Первой отвечает Ладыгина. Волнуясь, объясняет:

– Понимаете, очень дерзко вёл себя. Другой-то помалкивал, лишь сумочку у меня принял. А этот... Одну серёжку я быстро сняла, а с другой промешкала. Так он чуть не вырвал её из мочки.

– Я бросился к Людочке на помощь, – добавляет муж. – А

этот бандит выстрелил в меня. Забудешь ли такое?

– А что делал в это время второй преступник?

– По-моему, он не ожидал такого поворота. Закричал: «Эдик! Эдик! Да ты что!?» Думается, он об оружии не знал.

Оформляю протокол и поднимаюсь из-за стола.

– Ну что же... Спасибо, что пришли к нам.

– А этого Эдика, видимо, так и не задержали? – сокрушается Ладыгина.

– Задержим. Обязательно задержим, – заверяю супругов. – Можете мне поверить.

Говорю так не потому, что хочется успокоить и подбодрить их. Сегодня у нас действительно больше возможностей для его поимки и разоблачения.

Я прощаюсь с Ладыгиными. И, как только они уходят, достаю из папки составленную мной справку о личности Пикулина.

«Пикулин Игорь Константинович, 1964 года рождения, русский. Образование – восемь классов. Холост. Родственников не имеет. Ранее не судим. До ареста работал на заводе “Метиз” слесарем. Занимался в секции бокса спортивного общества “Труд”. Имеет первый спортивный разряд...»

Значит, не совсем потерянный человек. Почему же скрывает напарника?

Берусь за телефон, набираю номер Наумова. В трубке долгие гудки. Наконец слышится щелчок и приглушённый от одышки голос Сергея.

– Здесь Наумов. Слушаю вас...

– Привет, Серёжа! Что так загнанно?

– А-а, это ты, Владик... Дай дух перевести... Задержанного доставляли. Так вырывался – насилу с Громовым упрямились. Иду по коридору – слышу звонок в кабинете. Пока открывал дверь, пока к столу бежал...

– Запрос о Пикулине сделал?

– Да. По телетайпу.

– Ну и как? Что ответила колония?

– Жив и здоров. На месте.

– Это далеко?

– Да километров сорок. В Прибрежном. Уж не хочешь ли скатать к нему?

– Угадал. Хочу. Очень личность для меня интересная. Поговорить надо.

– Есть что-нибудь новенькое по делу?

– Да. Ладыгиных повидал. Убеждён теперь: в лесопарке и в «Бирюзе» стрелял один и тот же человек – Эдик.

– Что же Пикулин молчал о нём?

– Вот и надо выяснить.

– Когда думаешь ехать?

– При первой возможности.

– Ну-ну... Желаю успеха.

– Салют!

Кладу трубку, задумываюсь. Почему смолчал Пикулин? Из чувства товарищества? Из страха перед Эдиком? Так ведь

Пикулин – спортсмен. Боксёр!

Да, да... Боксёр... А как личность? Что он за человек, кто скажет? Кто знает его лучше – мастер? Тренер? Надо бы встретиться с ними. И хотя в деле Пикулина о них – ни строчки, узнать номера рабочих телефонов и назначить им встречу теперь мне не составит особого труда. Эх, Соловьёв, Соловьёв! Как же ты мог обойти их вниманием?

Гляжу на часы. Время уже позднее. Пора двигаться к дому.

А дома, после ужина, Лена стучит в мою дверь:

– Можно?

– Конечно, заходи!

Лена проскальзывает в комнату, и я с удивлением замечаю в её руках гитару.

– Вот, играй на здоровье.

Гитара на вид совсем новая. Даже струны не натянуты.

– Где ты взяла?

Лена отводит глаза и как-то чересчур беспечно отвечает:

– У подружки выпросила. Всё равно валялась без дела. Так что владей и отводи душу.

Лена, Лена! Вчера она неожиданно умчалась в Москву. Это же она за гитарой ездила! Сердце моё переполняется нежностью.

– Спасибо, – говорю. – Спасибо за царский подарок! И как хорошо, что у тебя такая отзывчивая подружка. Передай ей, пожалуйста, что отныне и я буду её самым верным и пре-

данным другом.

Лена вскидывает брови, долго смотрит на меня, стараясь понять, шучу я или говорю серьёзно. По-видимому, истинный смысл моих слов доходит до неё, потому что лицо её вспыхивает от смущения, и она торопливо отвечает:

– Хорошо, хорошо, передам... А ты сыграй мне что-нибудь.

– Прямо сейчас?

– Если не занят, конечно.

Я настраиваю гитару, тихонько трогаю струны. Начинаю с простенькой мелодии и негромко напеваю:

*Живёт моя отрада
В высоком терему.
А в терем тот высокий
Нет хода никому...*

Гитара в руках подрагивает. Дрожит и мой голос, пощипывают подушечки пальцев... Как давно я не играл!

Подперев ладонью голову, Лена, кажется, не столько слушает, сколько внимательно разглядывает меня, будто нашла во мне нечто такое, что ей доселе не было ведомо.

Беру новые аккорды и, стараясь развеселить, шутливо напеваю новую песенку:

*А мне мама говорила,
Говорила, говорила!*

*Целоваться запретила,
Запретила, да!..*

*Чёрт ли с этим согласится,
Согласится, согласится?
Для меня же не годится,
Не годится, да!..*

И Лена улыбается.

– А ты, оказывается, ещё и артист. Вот не знала!

Я откладываю гитару и, подражая Карлсону, продолжаю дурачиться:

– О! Я самый лучший в мире артист! Самый талантливый!

Лена смеётся, но в этот момент в прихожей раздаётся звонок. Она срывается со стула и выбегает из комнаты. В открытую дверь хорошо видно, как высокий молодой блондин с церемонной вежливостью протягивает Елене огромный букет цветов, а Лена, улыбаясь, проводит гостя в свою комнату. Через минуту она возвращается и говорит мне:

– Это Румянцев Славик. Поиграй без меня, ладно?

Я пожимаю плечами: Славик так Славик. Знаю, что в одной школе с ней работает... Лена снова улыбается и тут же исчезает. Мне почему-то неприятно слышать их весёлые голоса за стеной. А ведь опять так хорошо начинался вечер!..

...Вот и пятница. Думал, она что-нибудь прояснит в отношении «Бирюзы», но... И мне ничего не остаётся делать, как выправить командировочное удостоверение и ехать в исправительно-трудовую колонию к Пикулину. Решаю предварительно встретиться с его бывшим тренером Скляр и мастером слесарного участка завода «Метиз» Хлебниковым.

Созваниваюсь сначала с тренером. Отвечает неохотно, с тревогой. Почему? Ладно, выясним.

В большом просторном зале спортобщества «Труд» десяток здоровых мускулистых парней с массивными боксёрскими перчатками на руках пружинисто кружат по полу и неистово лупцуют друг друга. Скляр поворачивается ко мне, отрывисто и нервно произносит, показывая золотые зубы:

– У меня, как видите, не детский сад... Я готовлю боксёров, вмешиваться в их личную жизнь мне, знаете ли, недопустимо...

– И всё же, – говорю терпеливо, – что можете сказать о Пикулине?

– Ничего, – резко отвечает он, видимо, стремясь поскорее закончить разговор. – Я прочил его в чемпионы республики. Ко мне-то какие могут быть претензии? Я в этом деле чист как стёклышко. И в спорткомитете отчитался за него. Зачем снова воду мутить?

Мы сидим за столиком в углу зала, смотрим на «будущих чемпионов» и говорим как будто на разных языках. Этот коренастый, жилистый мужик с редкими волосами на голове, водянистыми глазами и с перебитым носом никак не может или не хочет понять меня.

Делаю последнюю попытку.

– Вам-то сейчас ничего и не грозит. Речь о Пикулине, вашем воспитаннике. Как всё-таки случилось, что он так сорвался?

Глаза Скляра становятся ледышками.

– Я ему не нянька, – говорит он тоном, не допускающим возражений. – Своих забот хватает. Скоро снова республиканские... Мне могут «заслуженного» присвоить. И я знать ничего не хочу об этом бандите.

Нет, не присвоят ему звание! Быть такого не может. Кто-нибудь да увидит, что он за человек. Вряд ли его подопечные добьются на республиканских соревнованиях каких-либо успехов: школа не та! Не та школа!..

Мы сухо прощаемся, и я ухожу, провожаемый гулким хлоппаньем перчаток.

На улице ещё светло, хотя солнце почти скрылось за домами. Эх, была не была! Махну сразу и к мастеру. Без предупреждения. Чего тянуть? Пусть уж и с ним прояснится сегодня.

На остановке прыгаю в раскрытую дверь троллейбуса и через десять минут оказываюсь в уютной двухкомнатной

квартире Хлебникова. Хозяин – подвижный, хотя и немолодой, встречает без какой-либо тревоги и смущения. Радужно проводит в большую комнату и наказывает жене – симпатичной улыбчивой блондинке – «быстренько сообразить что-нибудь на стол». Вскоре перед нами вьётся из красивых чашек душистый парок крепко заваренного чая, и беседа сама собой становится всё более непринуждённой и доверительной.

– Да, золотые у Игоря руки. Цены им нет! – восклицает Хлебников и отодвигает недопитую чашку. – Бывало, что ни поручишь: штамп какой сделать или приспособление... ещё и чертежей нет порой, одна задумка – в момент справится. Посидит, покумекает, что-то прикинет, что-то примерит... Глядишь – готово уже!

– Значит, неплохой был парень. Как же тогда всё так с ним получилось?

Хлебников вздыхает, растёгивает на волосатой груди рубашку, откидывается на спинку стула.

– Что скрывать – упустили мы его. Парень работал что надо. А коль с заданием справлялся, не подводил, а порой и выручал коллектив, то особой тревоги за него не испытывали.

Хлебников наливает нам ещё по чашке чая и продолжает вспоминать.

– Как-то раз, правда, пришёл он на смену словно после крепкого подпития. Глаза красные, веки опухли, голос сип-

лый. «Что это ты себе позволяешь!» – сказал я ему. А он в ответ: «Извини, Пал Палыч. Так уж случилось». Ну, я и отстал. А зря. Надо было допытаться, что да к чему. Глядишь, и уберёт бы парня.

– Только раз так было?

Хлебников неторопливо прихлёбывает из чашки.

– Так – только раз. Хотя ребята сказывали – по ресторанам он хаживал.

– Говорят, был чемпионом города по боксу?

– Да, слава была. Но она ведь не только в радость. Иных и отравить может. Не каждый перед ней устоит, особенно когда ему ещё восемнадцать... Я потом с тренером его схватился. Как же, мол, ты допустил, чтобы споткнулся парень. Так ведь Скляр меня и слушать не стал. Мол, авторитет его подрываю. По-моему, дрянной он человек!

Я помалкиваю, хотя полностью согласен с этой аттестацией.

– А вы, собственно, почему интересуетесь Игорем? Он что-нибудь опять выкинул?

– Нет-нет, – спешу успокоить Хлебникова. – Просто кое-что осталось невыясненным в его деле. Вот и хотелось бы поговорить об этом. Он ведь не один был в тот злополучный вечер. А вот назвать соучастника не захотел. Как считаете – почему?

Хлебников отставляет в сторону чашку.

– Всяко может быть... – говорит задумчиво. – Парень-то

он душевный, даром что сиротой рос. Может, пожалел кого, вот и умолчал о нём. Я Игорька знаю: горе у кого или забота большая – всего себя этому человеку отдаст. Уж очень отзывчивый. И помяните моё слово – здесь тоже что-нибудь такое случилось... Вы с ним будете говорить?

– Буду.

– Имейте это в виду. И привет от меня передайте. Скажите, Пал Палыч на него хоть и в обиде за ЧП, но в любое время готов принять на участок. Да и ребята по-хорошему о нём вспоминают. Я, правда, писал ему об этом, да он на письма не отвечает. Верно, стыдится за себя. Только зря замыкается. Вы и это передайте. Мол, верим в него, в его рабочую струнку верим. Так и передайте, ладно?

– Так и передам, – улыбаюсь. – Спасибо вам, Пал Палыч.

– За что же спасибо?

– И за прямоту вашу, и за радушный приём... За всё!

Я допиваю чай, поднимаюсь из-за стола.

– Ну... Мне надо идти.

Он несколько растерянно протягивает руку. Крупную, жилистую... Я с чувством пожимаю её:

– До свидания!

– А может, посидим?

Качаю головой и вдруг ловлю себя на мысли, что не выяснил ещё один вопрос.

– А с кем дружил Игорь?

Хлебников задумывается.

- Да вся бригада уважала его, – говорит он через минуту.
- А Эдик у вас на участке есть?
- Нет такого. Ни на участке, ни в цехе.

Ещё раз прощаюсь с ним и гостеприимной хозяйкой и покидаю квартиру.

На улице уже стемнело, стало прохладнее. Неторопливо иду к своему дому, медленно проигрываю в памяти сегодняшние встречи... Как хорошо, что на свете есть Хлебниковы! Обязательно скажу Пикулину, чтобы держался своего Пал Палыча.

Я иду, и с каждой минутой всё во мне, прежде скованное заботами и тревогами напряжённого трудового дня, словно оттаивает.

На углу улицы, под ярким фонарём, какая-то дородная тётя всё ещё торгует фиалками. Правда, в корзине осталось лишь несколько букетиков. Покупаю все. Для Лены. И делаю это с превеликим удовольствием. Давно хотелось осыпать её цветами. А тут – вот они!

И снова в полнейшем радужном настроении шествую к дому. Несу фиалки, а вижу изумрудные глаза Елены, её нежные белые руки, милую улыбку... И вдруг замечаю у подъезда дома знакомую долговязую фигуру Славика Румянцева. Слоняется туда-сюда... Прячу фиалки за спину: только бы он не увидел их.

Румянцев тоже узнаёт меня, останавливается.

- Здравствуйте, – говорит он и почему-то счастливо улы-

бается.

– Привет, – нехотя отвечаю. – А где же ваши цветы?

– Цветы? Ах, цветы! Они у Лены. Она всегда так радуется им.

– Значит, вы уже от неё? – Злость буквально распирает меня. – Тогда что же всё у подъезда топчетесь?

Румянцев вспыхивает и, запинаясь, отвечает:

– Вот... Уходить не хочется...

– Ну-ну. Побродите под окнами, спойте серенаду...

В глазах Румянцева растерянность. Он озадаченно спрашивает:

– Зачем вы так?

А мне и самому неудобно за издѣвку. Парень как парень... Чего на него взъелся? И какое мне дело, кто кому дарит цветы и почему их принимают.

– Простите, Славик... Всего вам хорошего.

Бокон проскальзываю в подъезд и на своём этаже выбрасываю фиалки в мусоросборник. На душе делается так тяжело, будто вместе с цветами выбросил ещё что-то, дорогое-дорогое, без чего и жить нельзя, наверное. Осторожно, стараясь не греметь, вставляю ключ в замок, открываю дверь и почти на цыпочках крадусь в свою комнату.

Но не тут-то было. Стремительно распахивается дверь кухни, и в проёме возникает Елена.

– Добрый вечер! Что такой пасмурный?

– Разве? Зато второй, у подъезда, млеет от счастья.

Весёлые искорки в глазах Елены гаснут. Она смотрит на меня непонимающим взглядом.

– О ком ты говоришь?

Кажется, она действительно не понимает, в чём дело. Но мне не хочется вдаваться в объяснения, и я молчу.

Лицо Елены становится задумчивым.

– Слушай, Владик, – тянет она слова, впервые называя меня по имени. – Уж не ревнуешь ли ты? Вот не ожидала!

А ведь в точку попала. И для меня это ужасное чувство – полнейшая неожиданность. Ишь, какой Отелло выискался!

Порываюсь скорее ретироваться, но Елена сердито останавливает:

– Нет, Демичевский. Давай договоримся: мои друзья – это мои друзья...

Скрип двери заставляет её умолкнуть. В коридоре появляется встревоженная Екатерина Ивановна.

– Леночка, милая... Что тут у вас?

Лена бросает на меня обиженный взгляд и, не ответив, уходит. Смущённо смотрю на Екатерину Ивановну, она – на меня.

– Владислав Викторович, что случилось?

– Ничего. Так, поговорили... Вы не беспокойтесь.

Она недоверчиво качает головой и торопливо возвращается в комнату.

Мне делается совсем нехорошо. Ну что я за остолоп такой! Сам себе всё испортил.

Так и засыпаю с гнетущим чувством чего-то тяжёлого, почти непоправимого. С тем и просыпаюсь, весь в холодном поту от мучивших во сне кошмаров. В мыслях только Елена, её глаза, полные обиды... Что же это со мной? Неужели всё-таки опять втрескался? Всерьёз, по-настоящему. Разве такое бывает?..

Прохожу в ванную комнату, прислушиваюсь – кто на кухне? Если там Елена, лучше уйти из дому без чая. Ведь мне сейчас и не взглянуть на неё. Но на кухне тихо. А времени – уже восемь... Быстро умываюсь, одеваюсь... На кухне по-прежнему ни шороха. А меня уже томит эта тишина. Прохожу туда, наливаю чай и как можно медленнее прихлёбываю из чашки. Мне уже не хочется быть одному. Хочется хотя бы на миг, всего на мгновение, но увидеть Елену, её лицо, её глаза: что будет в них – всё та же милая улыбка или... Про «или» и думать страшно. От «или» свет будет не мил.

Словно угадав моё желание, появляется Лена. Уже одетая.
– С добрым утром! – говорит она, лукаво поглядывая в мою сторону.

– Здравствуй! – счастливо откликаюсь я. От этих её слов и взглядов у меня будто гора сваливается с плеч. Лена!.. Моя Прекрасная Елена! Снова идёшь мне навстречу. Такому упрямому и бестолковому. За что мне это такое счастье?

Через час уже еду в колонию. За окнами вагона электрички сначала медленно, а потом всё быстрее плывут пристанционные постройки, жилые дома и деревья, мелькают зелёные поля и перелески, ручейки и речушки... Вспоминаю улыбчивые взгляды Елены и невольно улыбаюсь: спасибо тебе, спасибо!

За спиной слышится звон гитары, приглушённый шумок молодых голосов. От скамейки к скамейке бегают двое малышей-близнецов, кудрявые и озорные, одинаково одетые в матросские костюмчики... Всё это автоматически фиксируется в моём сознании, не вызывая каких-то особых эмоций, лишь уводит мысли к предстоящей встрече с Пикулиным: вдруг разговора не получится? И вообще – как он там, чем занимается?

Признаться, у меня не очень чёткие представления об исправительно-трудовых колониях. Ну, отбывают там преступники наказание. Конечно, работают... А что ещё? Ведь, как известно, многие из них, порой даже и матери, выходят на свободу совсем другими людьми – как говорится, исправившимися. В чём здесь секрет?

Когда мне случайно приходится встречаться с работниками колоний, всегда интересуюсь этим. Как правило, они отшучиваются, переводя разговор. Скромничают, что называ-

ется. И всё же я испытываю к ним чувство глубокого уважения. В самом деле, вот мы – сотрудники милиции – тоже занимаемся правонарушителями. И столько сил, нервов, жизненной энергии нам это стоит! Допрашиваешь какого-нибудь уголовника, а он волком смотрит, зубами на тебя скрипит. Думается, дай волю такому... И вот попробуй выведи в люди!

Электричка замедляет ход и скоро останавливается у небольшого вокзала. Близнецы бросаются к окнам: «Прибрежный!» В вагоне зашевелились. Я тоже поднимаюсь, двигаюсь к выходу. У привокзального скверика сажусь в автобус и еду до самой окраины посёлка. Там, как объяснили мне попутчики, нужно выйти на просёлочную дорогу, и уж она-то приведёт к колонии.

И в самом деле, минут через двадцать передо мной предстаёт бетонный забор с вышками на углах, массивными железными воротами и небольшим помещением КПП – контрольно-пропускного пункта. В узком шлюзовом пенале КПП передаю в окошко служебное удостоверение. Молодой прапорщик охраны сначала внимательно рассматривает удостоверение, потом меня, затем спрашивает, к кому из сотрудников хочу пройти.

А к кому же ещё, как не к начальнику? Накануне ему уже сообщили о необходимости нашей встречи. Прапорщик снимает телефонную трубку, с кем-то говорит, просит меня подождать немного. Вскоре появляется пожилой седоволосый

капитан и предлагает мне пройти за ним в «зону», в штаб.

– Я провожу вас к начальнику, – поясняет он.

– Как мне его называть? – интересуюсь по дороге.

– Майор Васильев. Николай Алексеевич.

Я слушаю, а сам всё невольно верчу головой. Я не робкого десятка, и по работе где только ни приходилось бывать. Но здесь, в «зоне», мне почему-то делается не по себе. Перед нами здание за зданием, и кажется, что вот-вот из-за угла одного из них кто-то из уголовников выскочит и бросится на тебя. Смешно, конечно, так думать. Однако думается, чёрт возьми, не в пионерский лагерь приехал! И прибавляю шаг. А ни у зданий, ни на дорожках между ними – ни души. Вот, правда, показывается один человек. В тёмной спецовке. Поравнявшись с нами, сдёргивает со стриженной головы такой же тёмный картуз, отступает в сторону и негромко произносит:

– Здравствуйте.

Отвечаем на приветствие и идём дальше. Я по-прежнему выкручиваю шею, но, кроме пышных цветников и газонов, больше ничто и никто не попадает в поле зрения.

Капитан улыбается мне:

– Я тоже здесь сначала чуть не галопом бегал... Всё нормально! Не беспокойтесь.

– Я и не беспокоюсь, – отвечаю. – Чудно только: колония, и вдруг – цветы.

– Нравятся?

– Красивые.

– Вот... Затронуло вас. Глядишь, и у осуждённых при виде их в душе потеплеет, – замечает мой провожатый.

– А где другие-то? Пока одного лишь и встретили.

– Что ж им без дела болтаться. День только начался. Каждый на своём месте.

Так-так, посмотрим, что будет дальше, каким окажется начальник.

...А Васильев ещё относительно молод, лет сорока. Круглолицый, широкоплечий, по-военному подтянутый. Встречает меня в своём кабинете приятной, располагающей улыбкой. Энергично пожимает руку.

Выясняется, что Пикулин сейчас в школе, где учится в девятом классе. Так что встретиться с ним можно будет не раньше чем через два часа.

– А разве он ещё и учится? – задаю я наивный, наверное, вопрос, потому что Васильев смотрит на меня с удивлением.

– А как же! И не он один. Закон о всеобщем для населения страны обязательном среднем образовании действует и у нас, – не без удовлетворения отзывается он после небольшой паузы. – Без образования – что делать сегодня на свободе?

– Значит, школа хорошо вам помогает.

– И школа, и ПТУ, – снова с удовольствием подтверждает Васильев. – Мы ведь здесь и профессию даём, у кого её нет. Готовим токарей, слесарей, фрезеровщиков... А как же иначе?

– Резонно, – соглашаюсь я и прошу рассказать о Пикулине: что он за человек, как относится к работе и учёбе, к своему преступлению?

– Ну, сейчас-то он не на плохом счету, – быстро откликается Васильев. – В передовиках, правда, не ходит, но и замечаний особых не имеет. А вот два года назад – и слово из него не вытянуть было. Учиться отказывался, работать не хотел. Отрешённый был, нелюдимый... Срок-то ему большой дали, вот и считал, что ему теперь ни до чего нет дела, вся жизнь, мол, мимо проходит. Так что поработать с ним пришлось изрядно... Да вы посмотрите его личное дело, почитайте характеристики.

Васильев пододвигает мне толстущий том дела. Листаю страницы:

«По характеру он вспыльчив и дерзок, в коллективе ведёт себя обособленно. Ни с кем не переписывается, работать и учиться не желает. На убеждение и примеры о возвращении к честной трудовой жизни других таких же осуждённых не отзывается, к администрации и наставлениям относится с недоверием...»

«Согласился учиться в вечерней школе. Успевает по всем предметам. Впервые за два года выполнил на производстве месячное задание и был поощрён правами начальника отряда...»

Да... Тут всё как в зеркале. Интересно посмотреть теперь на самого Пикулина. Как-то у меня с ним сложится разго-

вор?

В час дня Васильев вызывает дневального и просит привести Пикулина. Спустя несколько минут раздаётся негромкий стук в дверь.

– Войдите, – откликается Васильев. В кабинете появляется невысокий парень в тёмной хлопчатобумажной куртке и таких же брюках. Снимает с головы фуражку, вытягивается у порога и чётко докладывает, обращаясь к Васильеву:

– Гражданин майор, осуждённый Пикулин Игорь Константинович, статья 146, часть вторая, срок – семь лет, по вашему вызову прибыл.

– Проходите, садитесь, – приглашает его к маленькому столику Васильев.

Прежде чем сесть, Пикулин бросает на меня быстрый озабоченный взгляд. Видимо, сообразил, что его вызов связан с моим присутствием здесь. Присаживается напротив. Снова окидывает меня быстрым взглядом. Чувствуется, его тревожит мой штатский вид и он никак не может догадаться, кто я и что мне от него надо.

– Вы тут без меня побеседуйте, – говорит мне Васильев. – А я вас пока оставлю. Понадоблюсь – нажмите кнопку на столе.

И выходит, подбадривающе кивнув Пикулину. На мгновение в кабинете воцаряется тишина.

– Следователь райотдела милиции капитан Демичевский, – представляюсь я Пикулину. – Мне нужно о многом

поговорить с вами.

Он с ещё большей насторожённой вскидывает на меня свои светло-серые глаза и тут же отводит их в сторону. Весь его скованный вид подсказывает, что говорить ему со мной не очень-то и хочется. Нужен какой-то подход, чтобы вызвать его на откровенность. Но какой?

– Курите? – спрашиваю и придвигаю к нему пачку «Беломора».

Он поворачивает голову, молча вытаскивает из пачки папиросу, прикуривает. Закуриваю и я.

Пикулин не смотрит на меня. Часто затягиваясь, косит глазами в угол. Папиросу держит не между пальцев, а укрывает в кулаке, словно курит тайком или на ветру, в дождь. Кисти рук у него широкие, пальцы загрубевшие, по-настоящему рабочие. И тут мне вспоминается разговор с его мастером. Как же я забыл об этом?

– Вам привет от Хлебникова.

Голова Пикулина непроизвольно дёргается. Он недоверчиво смотрит на меня.

– От кого?

– От Пал Палыча, мастера вашего.

– Не может быть...

– Почему?

– А когда вы с ним виделись?

– Вчера.

– И он ещё помнит меня?

– Не только помнит, но и всей душой переживает за вас. Готов в любое время принять на свой участок. Считает вас первоклассным слесарем. Или ошибается?

– А вы-то к нему с какой стороны?

– Да тут вот как всё получилось... В связи с одним происшествием пришлось нам поднять ваше дело. Так на Пал Палыча и вышли. И разговорились о вас.

– А что за происшествие? Почему понадобилось изучать моё дело?

– Что за происшествие? – медлю с ответом. – Мы ещё к нему вернёмся. Вы лучше вот что скажите: кто всё-таки был с вами в тот злополучный вечер 30 сентября 1982 года, когда двумя выстрелами из пистолета ранили Ладыгина?

Пикулин морщится, гасит в пепельнице окурок.

– Я уже говорил на суде – не знаю.

– Ну, Пикулин... А мне здесь рассказывали, что вы вроде бы за ум взялись. Если так, зачем крутить старую песню?.. Вот выйдете из колонии, начнёте новую жизнь. И вас не будет тяготить, что человек, втянувший вас когда-то в грязное дело, всё ещё на свободе и, быть может, совершает новые преступления?

– Значит, он всё-таки не пойман.

– Пока да. Ведь вы упорно покрываете его.

Пикулин отводит глаза.

– И всё-таки... Что он ещё натворил? – глухо спрашивает через минуту.

– Совершил разбойное нападение на один из фирменных магазинов.

В глазах Пикулина недоверие.

– Почему думаете, что он?

– Его опознали. И потом... В этом магазине и в Ладыгина стреляли из одного и того же оружия. Что это за оружие, Пикулин?

Он опускает голову:

– Не знаю.

– Кто этот человек? Как вы с ним познакомились?

Парень молчит, упорно смотрит в сторону.

– Да поймите же вы! – начинаю я заводиться и останавливаю себя. Заводиться-то мне и нельзя. Ну никак нельзя. Ради моего дела. Ради всех тех, кто вскоре может вновь оказаться жертвой Эдика.

– Поймите, – приглушаю я свой голос, – быть может, сейчас, пока мы с вами разговариваем, этот человек снова в кого-нибудь стреляет. В того же Пал Палыча, не дай бог!

– Разрешите ещё папиросу, – просит Пикулин. – Раньше-то не курил, здесь вот пристрастился.

Пододвигаю к нему «Беломор». Пикулин закуривает, жадно затягивается.

– Так кто этот человек? Как зовут его?

– Эдик, – тяжело вздыхает Пикулин. – А вот фамилию, где живёт и работает, не знаю. Честное слово, не знаю.

– Когда и как вы с ним познакомились?

Он опять делает несколько глубоких затяжек.

– Три года назад. В августе. В ресторане «Солнечный».

Не рассчитал я маленько, оказался перед официантом банкротом. Девочек своих выпроводил, чем расплачиваться – не знаю. Тут он и подсел ко мне. Расплатился за меня и ещё заказ сделал. Мол, рад познакомиться с чемпионом. Расстались друзьями. Вот так всё и началось.

– Что «всё»?

– Ну... моё падение, что ли... Поверьте, это вышло случайно. Как раз в тот вечер, 30 сентября, денег не оказалось ни у меня, ни у Эдика. Договорились с официантом, что подождёт с часок. А сами нырнули в парк, как раз рядом с рестораном... Если бы я не так пьян был, домой скатал бы или занял денег у знакомых. А тут он всё уговаривал: у первых попавшихся спросим, скажем – потом, мол, отдадим. Опомился, когда он уже стрелять начал. Как и куда я потом бежал – не помню. Только кто-то догнал, скрутил меня в бараний рог и сунул в «канарейку»... в машину, значит, вашу.

– Почему на следствии и на суде промолчали?

Пикулин грустно усмехается.

– Эдик как-то сумел переслать мне записку. Мол, дьявол попутал. По гроб будет обязан, если умолчу о нём. Свадьба, мол, у него скоро, зачем и невесте жизнь портить... Неужели всё заливал?

– А кто невеста? Видели её?

– Девчонок-то у него много было. Может, Светка? В сен-

тябре он всё с ней крутился. Фамилию, правда, не знаю... Белянская такая. Где-то парикмахершей работает.

Вот так, слово за слово, и проясняется картина. Остаётся предъявить Пикулину рисованный портрет Эдика. Нажимаю кнопку звонка и прошу появившегося Васильева вызвать понятых. В их присутствии кладу на стол рисунки.

– Может, узнаете кого... – говорю Пикулину.

– Вот, – он указывает на портрет Эдика. – Если бы знал, что снова может на подлость пойти, давно бы показания дал.

Он опускает голову. И, пока разглядываю его, думает о своём. Я понимаю, что происходит в его душе.

– Что передать Пал Палычу?

Пикулин поднимает голову, глаза оживают:

– Скажите... Пусть ждёт. Скажите, отхожу понемногу от нокаута. В другой такой не попадусь... Да я сам напишу ему.

– Вот это верно, – одобряю. – Таиться от него не надо. Золотой он человек!

– Это точно! – отзывается Пикулин. И смотрит уже заметно веселее.

И снова – электричка. Возвращаюсь домой. Опять стучат на стыках рельсов колёса поезда, за окнами вагона – уже знакомый мне пейзаж. В голове мысли о Громе, о Наумове: у них что нового?

И конечно, думаю о Лене. Всего-то несколько часов не виделся с ней, а уже с нетерпением жду новой встречи. Но неприятно мелькает в голове одна и та же навязчивая мысль: почему Лена принимает ухаживания Славика?

А колёса всё стучат и стучат... И думы, думы...

Сегодня уже суббота. Как быстро летит время!

Первый, кто попадается мне в отделе, это Наумов. Чуть не сталкиваюсь с ним на лестнице. Лицо у него усталое, напряжённое. Но, увидев меня, приветливо улыбается.

– Салют! Уже вернулся!

Мы обмениваемся крепким рукопожатием.

– Как съездил – с результатом или вхолостую?

– Нормально, – говорю. – Пикулин, в сущности, неплохой парень. Рассказал всё, что нужно... А ты куда торопишься?

Наумов хмурится.

– Да в больницу надо скатать. Тут без тебя такое приключилось... Утром звонок по «02». И кричат в трубку: «Приезжайте скорее! Сосед разбушевался, по квартире с топором бегаёт, всё крушит, всё рубит!» Ну, мы с Кандауровым и вы-

скочили по адресу. Короче, сержант удар на себя принял, тем и спас хозяйку.

Кандауров! Помощник дежурного!

– Сам-то он хоть жив? – спрашиваю, а горло словно сдавило стальными тисками.

– Второй удар я успел перехватить. А вот от первого ему досталось, – удручённо отвечает Наумов. – Всё плечо разворотило. Хирург говорит: если и будет жить, то служить – вряд ли... Вот, спешу узнать – очнулся ли?

– У него кто есть из близких людей? Мать? Жена? Невеста?..

– Одна мать. Жениться только ещё собирался. Девушка у него славная. Знаю её. Мы ведь с ним в один день в загс заявления подавали.

– Хорошо бы всё обошлось! Порадовал, что называется.

– А ты к Громову зайди. Может, утетишься. Он тебе ещё одного свидетеля откопал. А я побегу. Ладно?

– Давай... Беги!

И Наумов исчезает. Настроение у меня – хуже не надо. Иду к Громову: что ещё за свидетель? И застаю щуплого рыжеволосого парня.

Увидев меня, Громов хмуро спрашивает:

– О Кандаурове слышал?

– В курсе, – отвечаю. – Наумов сейчас поехал к нему... А у тебя что нового?

Лицо Громова светлеет.

– Вот, знакомьтесь, – кивает он на паренька. И с довольным видом продолжает: – Бывший мой подшефный, а нынче – лучший таксист города Владимир Владимирович Бучкин.

Парень смущённо опускает глаза.

– Скажете тоже... Шофёр как шофёр.

Громов улыбается.

– А чья фотография в городском парке? Не твоя разве? Нет, Володя, ты доброй славы не стесняйся. Её ещё не каждый заслужил. А твой портрет уже в галерее передовиков. – Он поднимается из-за стола, освобождая мне место, пересаживается в угол. – Лучше расскажи нашему следователю, товарищу Демичевскому, о Камилове: где, когда и при каких обстоятельствах с ним встречался. Так же подробно, как мне сейчас рассказывал.

Бучкин с минуту молчит, собираясь с мыслями, потом спокойно и подробно начинает объяснять:

– Эдиком его зовут. Камилов Эдик. Я с ним года три назад познакомился. Я тогда шибутной был. Вот вместе пятнадцать суток и отбывали. Он мне всё анекдоты травил да разные байки о Чёрном море рассказывал, как там летом с девчонками развлекался. В общем-то, весёлый парень... И тут вдруг дней десять назад встречаю его вечером, часов около семи, у «Бирюзы». Прохаживается у дворика, покуривает, будто ожидает кого из магазина. Я к нему: «Здорово, Эдик!» Повернулся он и поначалу вроде как испугался чего-то. А когда узнал – заулыбался, подхватил под руку и давай выпы-

тывать, как живу да чем живу, вожу ли ещё машину... Настоящего-то разговора у нас с ним не вышло. Как сказал ему о моём анфасе в парке, он сразу поскучнел, заторопился прощаться. И больше уже я не встречал его. Так бы и не вспомнил о нём, если бы не вчерашний разговор с товарищем Громовым... Ушёл он от меня, а я и уснуть не могу, всё его вопросы и рассуждения о ЧП в «Бирюзе» из головы не выходят. И вдруг как огнём меня ожгло: а чего это Эдик крутился у магазина, не он ли там нашкодил? От дружков своих прежних слышал, что на любое подлое дело пойти может, такой уж он парень заводной.

– Портрет показывал? – спрашиваю Громова.

– А как же. Опознал его Бучкин. Камилов был в «Бирюзе».

Оформляем показания Бучкина и прощаемся с ним.

– Золото, а не свидетель! – восхищается Громов.

– Как ты вышел на него?

– Мы же договорились у Белова – ещё раз пройтись по квартирам в районе «Бирюзы». Бучкин как раз на той же улице живёт. Дай, думаю, к «крестнику» своему загляну. Отец у него, к сожалению, пьяница. Дома никому житья не давал. Вот парень и закуролесил. Много мне с ним повозиться пришлось, пока на путь истинный поставил. А вчера захожу к нему и откровенно так спрашиваю: «Слышал, что в “Бирюзе” случилось?» «Слышал», – отвечает. «Ну и что ты обо всём этом думаешь? Кто мог там отличиться?» «Не знаю, –

говорит. – Уж очень дерзко действовали. У нас вроде таких громил и не водилось». «Но и чужой, – говорю, – не смог бы так подготовиться, время на это нужно: и магазин изучить, и подходы к нему...» Пожал он плечами, а сегодня утром и звонит мне: мол, вспомнил, что видел на днях у «Бирюзы» одного давнего знакомого.

Да, молодец Громов. Ну, теперь нам нельзя терять ни минуты.

– Где живёт Камилов, выяснил?

– Нет ещё.

– Как думаешь, сколько ему лет?

– Двадцать пять, не меньше.

Снять телефонную трубку и позвонить в адресное бюро – дело нескольких секунд, и вскоре в моём блокноте появляются два адреса: Камилова Эдуарда Каюмовича, 1969 года рождения, и Камилова Эдуарда Георгиевича – 1957 года. Первый проживает по улице Большая Садовая, 17, квартира восемь, второй – Заводская, 10, квартира двадцать восемь. Другие однофамильцы Камилова в адресном бюро не значатся. Кто из этих двух побывал в «Бирюзе»?

– Придётся проверять обоих, – озабоченно говорит Громов.

– Зачем обоих, – успокаиваю. – Интересующий нас Камилов, как ты слышал, отбывал пятнадцать суток. Надо поднять материалы, там его адрес тоже указан.

– Точно! – оживляется Громов. – И как это я не сообразил.

Бывают заскоки – что ближе лежит, то и далеко!

– Ничего, ничего... Действуй! Доводи дело до конца! Ладь?

– Конечно!

– Белов здесь?

– Здесь. Тебя ждёт. Тут ему звонок за звонком из УВД. И всё по «Бирюзе». Мол, не требуется ли нам помощь? Белов, конечно, тактично заверил, что и мы тут не лыком шиты. Но, видно, там хотят подстраховать нас.

– Ничего, теперь и сами справимся.

Мы расходимся, и я отправляюсь к Белову.

– Прибыл? – приподнимается он из-за стола, отвечая на приветствие. – В 17 часов оперативка по «Бирюзе». Нужно рассмотреть всё, чем мы объективно на сегодня располагаем... С Грозовым виделся?

Я улыбаюсь.

– И с ним, и с его «крестником», Александр Петрович. По-моему, мы уже выходим к финишу.

– Ишь, какой шустрый, – усмехается Белов. – А вообще-то, давно пора. Задержались мы на старте.

– Зато сейчас набираем темп.

– Ой, Демичевский, – качает головой Белов. – Что-то мы с тобой на спортивный лексикон перешли. Скажи проще: выяснил кто?.. Камилов?

– Он, Александр Петрович. Остаётся продумать: когда, где и как брать его... Если, конечно, он ещё в городе.

Глаза Белова заметно веселеют. Он хлопает меня по плечу.

– Продумаем! Это мы, товарищ Демичевский, продумаем. Теперь мы его и на краю света найдём.

К пяти часам все приглашённые на совещание один за другим собираются в его кабинете. Присоединяюсь к ним и я. «Наш» Камилов проживает, как выяснилось, по Большой Садовой улице, 17.

Опять присаживаюсь у окна, оглядываю присутствующих: за столом – Белов, сосредоточенно перебирает лежащие перед ним бумаги, на диване в напряжённых позах ожидания застыли Громов и вернувшийся из больницы Наумов; на стульях, расставленных у стен, разместились другие члены следственно-оперативной группы.

Белов поднимается, обводит всех долгим взглядом:

– Значит, предлагаете сегодня же брать Камилова? Не торопитесь ли?

– Нет. Откладывать с этим не следует, – твёрдо отвечаю я.

– Однако нам неизвестна его сообщница. Задерживать – так одновременно обоих, – возражает Наумов.

Белов долго смотрит на меня, что-то соображает.

Поворачиваюсь к Наумову.

– Нам нельзя и часа тянуть с Камиловым. Пока будем искать его сообщницу, не преподнесёт ли он новое ЧП? Как тогда людям в глаза будем смотреть?

– Пожалуй, вы правы, Демичевский, – говорит Белов. –

Где предполагаете брать Камилова?

– Дома. Только дома. На улице опасно – кругом люди, вдруг заминка какая, и он за пистолет... Теперь-то ясно, что он на всё способен.

– За пистолет он и дома может схватиться, – замечает Наумов. – Переполошим людей, если хуже чего не выйдет... Что у него за квартира? С кем он живёт? Где работает или учится?

– У него только мать-портниха, – вступает в разговор Громов. – Я тут перед совещанием участкового опросил... Камилов уже давно лишь на её хлебах. После десятилетки учился пару лет в инженерно-строительном институте – бросил, устроился барменом в ресторан и тоже не удержался там. А живут Камиловы в двухкомнатной квартире, на втором этаже.

– Значит, запросто в окно может сигануть, – вслух размышляет Наумов. Он морщит лоб и добавляет: – В коридор бы выманить его. Есть у них там коридор? Что собой представляет? – обращается он к Громову.

– Есть, – быстро отвечает тот и передаёт Белову лист бумаги. – Взгляните, это план дома и квартиры, участковый по памяти нарисовал. Может, и пригодится.

Мы поочерёдно изучаем план.

Да, коридор есть. А в нём щиток с автоматическими пробками. Можно отключить освещение квартиры. Кто тогда выйдет посмотреть, в чём дело? Конечно мужчина. А в дан-

ном случае – Камилов!

Я высказываю свои соображения на этот счёт.

– Дельно! – загорается Наумов. – Вряд ли он в этом случае сунется в коридор с оружием.

– Значит, так... – говорит Белов. – Уточняем детали операции. В первую очередь устанавливаем за домом наблюдение, блокируем подъезд... На лестничной площадке и во дворе в главный момент не должно быть никого из детворы и жильцов! С ними надо сработать особенно аккуратно! Кому это поручим?

Наумов с Грозовым с нарочитым вниманием опять принимаются разглядывать план дома, будто и не слышали последней фразы Белова. Он с пониманием усмехается:

– Что ж, возложим это на участкового. Как считаете, товарищи, справится?

– Да детвора в нём души не чает! – живо отзывается Грозов.

– И весь народ к нему с почтением! – добавляет Наумов. – Справится, товарищ майор!

– Вот и отлично, – заключает Белов. – Значит, капитан, вам с Грозовым быть у щитка.

Они как по команде поднимаются, в один голос громко отвечают:

– Есть быть у щитка!

И я чётко понимаю, что Камилову уже не уйти от них, даже если он выйдет к ним с оружием.

Наше совещание затягивается. Вновь и вновь уточняются детали предстоящей операции, обсуждаются действия её участников, время проведения... Одни сотрудники войдут в группу захвата преступника, другие будут перекрывать пути его вероятного отхода, блокировать двор дома... Ну а мне предстоит провести у Камиловых обыск.

К семи часам вечера оперативники Белова докладывают, что Камилов дома и выходить пока не собирается.

А на улице всё ещё светло, как днём. И минуты тянутся мучительно долго. Пятнадцать минут восьмого, полчаса... Восемь часов... Двадцать минут девятого...

Выглядываю из окна кабинета на улицу: есть ли где огоньки? Ведь начало операции ровно в девять. Огней пока – ни в одном доме. Лишь полыхают в витринах и окнах домов оранжевые отблески заката.

В восемь тридцать – звонок Белова:

– Спускайся вниз – через пять минут выезжаем.

Снова выглядываю в окно: закат уже потускнел, на улице – серая дымка... Пожалуй, к девяти часам и стемнеет.

Спускаюсь по лестнице в вестибюль и ясно слышу, как сильно стучит сердце. Неужели так волнуюсь? Ведь всё продумано до мелочей...

У подъезда присоединяюсь к Белову. Садимся в маши-

ну. Все остальные участники операции уже давно на Садовой улице. По радиии то от одного из них, то от другого поступают короткие сообщения: «Двор блокирован», «Подъезд блокирован», «Объект на месте, посторонних в квартире нет»...

На тихой улочке, у старого четырёхэтажного дома с высокой аркой над въездом во двор, машина останавливается. Читаю на доме табличку: «Большая Садовая, 17». Вдоль арки прогуливаются двое хипповатых парней. С трудом узнаю в них наших работников уголовного розыска. Во дворе – ни души, лишь за самодельным столиком у второго подъезда всё ещё стучат костяшками домино четверо чем-то мне знакомых личностей. «И эти наши!» – проносится в голове.

Гляжу на часы: без трёх минут девять. Пока войдём в подъезд, пока поднимемся по лестнице...

Вот и второй этаж. С площадки третьего нам навстречу бесшумно спускаются Наумов и Громов. Обмениваемся взглядами: «Пора!»

Наумов с Громовым ныряют в ярко освещённый проём коридора, и он тут же погружается во мрак. Озноб нетерпения прокатывается по моей спине. Представляю, как напряжены сейчас нервы и у других участников операции... Кажется, будто прошла уже целая вечность. Слышится металлический щелчок замка, недовольный мужской голос, потом яростный хрип, и мы с Беловым бросаемся в темь коридора. Нащупываю щиток с пробками. Вспыхивает свет, и я вижу распостёртого на цементном полу полуголового темново-

лосого парня в шортах с закрученными за спину руками, на ногах его – тяжело дышащего Наумова. Рядом с ним Громов – защёлкивает на запястьях парня наручники. Тот конвульсивно извивается, что-то мычит.

Всё! Дело сделано! В считанные секунды.

Громов рывком ставит Камилова на ноги. Теперь уже у меня нет никакого сомнения, что это он, Камилов: точный оригинал рисунка Бубнова. Заводим его в квартиру, приглашаем понятых.

А где же мать Камилова?

Нахожу её на кухне. С полной отрешённостью на бледном, без кровиночки, старческом лице она неподвижно застыла на табурете у стола и никак не отзывается на предложение пройти в комнату сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.